

*елена
ушакова*

НОЧНОЕ
СОЛНЦЕ

избранное

Елена Всеволодовна Ушакова

Ночное солнце. Стихи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7693856

Ночное солнце. Стихи. / Ушакова Е.: "Новый мир" журнал № 10;

Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-00098-124-5

Аннотация

«Ночное солнце» – итог многолетней работы автора, избранное из четырех поэтических книг, выпущенных в период с 1991 по 2012 гг. Елена Ушакова – псевдоним филолога Е. В. Невзглядовой, главный научный интерес которой – интонация стихотворной речи. Сочетание в одном лице поэта и филолога – явление не частое в нашей словесности, а стиховая интонация – это основной признак стиха, отличие его от прозы. «Голосом, голосом работает поэт» – сказано Мандельштамом; этот голос должен быть узнаваем. И у Елены Ушаковой есть свой голос, она узнаваема.

Содержание

«Не люблю театр, не люблю фантастику...»	5
«И всегда-то мое детство в залах эрмитажных...»	7
«Пока примеривалась к ямбам неравносложным...»	9
«Старый китайский коврик над маминым диваном...»	11
Метель	13
«Только он, только он, Зощенко, мог...»	16
«Лучше спущусь в лифте, чтобы не проходить лишний раз мимо...»	18
К акцентной речи	21
«Я белая ворона, вот я кто, и знала...»	23
«Почему цифры запоминаются легко по сравнению со словами?...»	25
«Что же так чужая смерть нас пугает...»	27
«А что до любовниц – чужими словами воспользовавшись, ты сказал...»	29
«Люди делятся не на тех, кто знает и не знает...»	31
«И нет провинции, изобилие, ровно разлитое езде...»	33
«Есть неписаная субординация...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Ушакова

Ночное солнце. Стихи

Издание выпущено при финансовой поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации

Издание Санкт-Петербургской общественной организации «Союз писателей Санкт-Петербурга»

«Не люблю театр, не люблю фантастику...»

Не люблю театр, не люблю фантастику,
Не люблю лунные ночи,
Ранние вставания, утреннюю гимнастику,
Как и вы не любите, впрочем.
Не люблю многолюдства, застолий,
Новейшие стихи, прозу
С их вывертом, запашком непристойным,
Лютикам предпочитаю розу,
Как и все остальные.
Не люблю странностей и ошибок
Грамматических; слов: ностальгия,
Красота, мудрость, творчество – ибо
Широковещательны; половички, покрывала,
Имена: Глеб, Станислав, Инна,
Наречие «особо», прилагательное «шалый»,
Запах съеденной колбасы, бензина.
Не люблю тех, кто нуждается
В поклонении, не люблю мавританского
Стиля – восток! Что касается
Миндаля жареного под шампанское —
«Не люблю», – капризно писал Руслову
Михаил Кузмин, чтоб не быть, как другие, —
Все, все, все я прощу златоустому

За стихи его дорогие!

«И всегда-то мое детство в залах Эрмитажных...»

И всегда-то мое детство в залах эрмитажных
Семенит за мной – у пляшущих сатиров, в переходе,
возле Ганимеда
Вспоминаю своего отца, молчащего, не повторяющего
дважды;
Путаницы не любил невнятной, лихорадочного
возбуждения и бреда.

Мне рассказывал студент физфака и товарищ мой по
классу:
«Всеволод Гордеевич читал, опорные слова нажимом
Выделяя, аккуратно завершая фразу,
На параграфы всю статистическую физику разбив, в
согласии
с регламентом, режимом».

Был всегда логичен, смутному волнению не доверял,
слепой надежде...
Подойду к базальтовому черному Веспасиану, встану с
края.
Здесь свою ладонь в его руке я чувствую, как прежде.
Прямо голову держал, Эйнштейну Бора нерасчетливо
предпочитая.

Здесь его глаза стальные зажигались весело при взгляде
На орлиный профиль, шею мощную и губы, сложенные
твердо.

Прихожу сюда минуты этой ради.

Складки каменные кожи императора, родные фьорды

Хочется тайком потрогать. Так приходят, знаю,
Гладят памятник могильный, для того и годный,
Чтобы дань отдать, и пусть подальше будет, с краю,
Чтоб уйти, не думать, быть свободной.

«Пока примеривалась к ямбам неравностопным...»

Пока примеривалась к ямбам неравностопным,
Пока ломала размеры стиховые,
Пока присматривалась к звукам речи расторопным,
К ее извивам, лебединому изгибу выи,

Я очутилась с той стороны, с изнанки,
Подкладочной стороны твоей души, милый,
Ты вспомнил бы здесь платоновскую лакедемонянку,
Что в придачу к хорошему прекрасного попросила.

Мне довелось умыться трехсложников теченьем
Со строкой, вздувшейся, как на ветру парусина,
Это следование под твоим парусом, позднее мое
увлечение,
Так похоже на занятие Ганса Касторпа медициной.

О, внутренний портрет – рентгеновский снимок и лимфа,
Струющаяся под кожей, – какая это малость
В сравнении с мыслью подвижной – муза, нимфа,
Душой скользкой быстро к душе прижималась!

Так сладко и весело, и вспухает знание общее,
Подводное, как у рыбы об икринке.

Знаю, любишь обособленные определения и ропщешь
На бледное «й» в нашей пишущей машинке.

«Старый китайский коврик над маминым диваном...»

Старый китайский коврик над маминым диваном,
Сколько себя – столько его помню,
Висел надо мною все детство, не стану
Всего вспоминать, бог с тобою, мой дух бездомный!

Китаянка над ним трудилась, пекинская ткачиха,
Черные бусинки плескались в раскосых глазах-полосках.
О, нежные сумерки, щекой ворс трогаю, так тихо-тихо
И спокойно, как до рождения, – спасибо таблетке
крохотной, плоской.

Жгучая рана исчезла куда-то, укатила,
Словно на поезде уехала – всё дальше, мельче, о,
подольше,
Прошу, покачай меня, милосердная сила,
Неподвижная, ласковая, piano, dolce...

Ошибка произошла, ошибка! Когда? Давно! Прежде,
Чем я успела задвигаться в байковых тряпицах;
До первого испуга, пока сладко сомкнуты вежды,
До света, до первого звука если б можно было
остановиться!

А потом уже поздно, поздно, потому что нет спасения
От любви и страха, от любви и страха.
Тщетны адвокатские Твои приемы: растения
Многоцветные и многострунные увещевания Баха.

Метель

*«Окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой...
Небо слилось с землею».*

В этих местах за окнами, утепленными ватой,
сегодня, как полтора века до нас с тобою,
белые вихри снуют, и злая бежит позёмка,
и мы, россияне (термином стало слово
необычное, произносимое нынче с вызовом, громко),
медлительные сердцем дети града Петрова,
словно скучаем – лень, неохота; все равно не победишь
погоду,
не добраться из Ненарадова в Жадрино,
его величеству морозу в угоду
сидим у телевизоров и следим в декабре нежадно
за сюжетами: вот депутат округляет око,
пускаясь в рискованное придаточное, как в путешествие.
Метель! Слабую мысль прогрессивную сносит далёко,
трудно продвигается, с барьерами, словесное шествие.
Где, где спасительное сказуемое с подлежащим?
Память о слове, только что произнесенном,
занесло: змейкой вьется бессмысленно жужжащей
одинокий союз, вырванный порывом ветра бессонным.

«Подали ужинать. Сердце ее сильно забилося». По всем
расчетам,

давно пора уже быть ему дома; подгоняют тревогу
электронные часы с комода, и лифта напрасное гудение
нехорошее что-то
нашептывает, накачивает, или, как сказал Солженицын,
указывая
всем дорогу,
«нагуживает». Чего только не выносит наш могучий...
Однако можно же позвонить, задерживаясь!
Какие только не бывают несчастные случаи!
Нет-нет, воображение, крепись, пожалуйста, коней
придерживая!

Вьются, вьются под фонарем белые оводы,
не то пляшут, не то срываются в бегство отчаянно.
С пятого класса знаем, что причины сражений и поводы
– разные.
Они разные не случайно.
Сколько скрытых мотивов поведения, тщательно
таимых,
как причудливы извивы чувств и в радости, и в позоре!
Тень Федора Михайловича реет даже в Токио, даже в
небе Рима,
Словно разнесли инфекцию звездчатые снежинки-
инфузории.
Но мы, не правда ли, устойчивы и податливы, как наши
рябины, ивы,
И такими должны быть, друг, наши сыновья и дочери.
«Бурмин побледнел и бросился к ее ногам» – как
счастливо!

Гений человечности светит нам сквозь снега и строчки!

«Только он, только он, Зощенко, мог...»

Только он, только он, Зощенко, мог
Рассказать бы эту замечательную историю, как
Один доктор наук кинулся со всех ног
От другого доктора наук, зацепившись за его сапог,
башмак,

С деньгами, документами и казенным инвентарем,
Которые он украл, из портфеля стащил,
Руководимый директором института – главарем,
Создателем и распорядителем уголовных сил.

И мы бы смеялись, смеялись, смеялись до слез,
Пока не вспомнили, как тихий, воспитанный человек
Побеждал с помощью разума невроз,
Но не победил чиновников и их литературных коллег.

О, как наивно и самоубийственно он верил в закон
И любил маленьких, несчастных советских людей!
Я хотела бы, чтобы увековечил новый Гудон
Дорогие черты и чтобы не было тех статей...

Ах, мы слишком многого, знаете, хотим!
Лучше перечитаем его письма – письмо за письмом.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!» – он написал.

Помолчим

Над страницей, голову рукой подопрем...

«Лучше спущусь в лифте, чтобы не проходить лишний раз мимо...»

Лучше спущусь в лифте, чтобы не проходить лишний раз мимо

Заклеенной бумажным прямоугольником с печатью квартиры,

Забыла ее номер, по Фрейду, видением настойчивым теребима,

Забыла, потому что хотела забыть. Половичок перед дверью,

помню, застиран.

Я столкнулась с этой женщиной, выходя из дома, у парадной,

Она гуляла с собакой; «здравствуйте» – громкое, неформальное, —

Поскольку мы не были знакомы, предупредило: что-то неладно,

И я заглянула в лицо, пробегая, печальное.

Оно было каким-то несобраным и свидетельствовало об отказе

От борьбы, рассеянное, не способное оказать отпора,

В отличие от обычных лиц, а я обходила лужу, избегая на сапогах грязи,

Но что я могла сказать? Тут нет основания для укора.

Вид неблагополучия слишком знаком... Но вот уже странно закрыта,

Запечатана дверь. Как рассказали всезнающие соседи,
Похоронив мужа, она бросилась с моста Лейтенанта
Шмидта

В ледяную осеннюю воду; сюжет для небольшой трагедии.

Одни считают, что самоубийство – слабости признак,
Другие – что, наоборот, силы.

Религия осуждает, наши предки не справляли печальной
тризны

В этих случаях и на кладбище не давали могилы.

Я думаю, что самоубийство – самый вынужденный вид
смерти.

Умирая в болезни, мы даем свое согласие отчасти,

Отдавая постепенно жизненные силы, здесь же –
поверьте,

Без малейшего прития конца – собственное
полноправное участие

В уничтожении... самого себя? Как?.. Стоящего на ногах,
теплого,

Готового бежать, дышать, смотреть, вертеть... Боже!

Не готового только зависеть, ненавидеть, терпеть...

Сердце замирало

и ёкало...

И значит, не было выхода никакого, нигде, никуда и туда
– тоже!

К акцентной речи

Этот волглого ритма возвратный, упругий порыв,
Эти волны слогов, теплых стоп череда и приливы!
Как бы ни был расслаблен ход мысли и сладко-ленив
Или горько-подавлен – как будто невольно игривы

Наши лучшие чувства, размер их со дна достает
Удивленной души, принуждая к роению и строю, —
Так, наверное, в школе военной берут в оборот,
Ставят сонных и слабых насильно в затылок герою.

Есть волшебная прелесть в звучанье. Но все же запрет и
засов,
Не впускающий штатскую речь, – как акцент
иностранный,
Потому что приструненный голос души, ее зов
Слишком, что ль, угловат, а сама она слишком туманна.

И сказаться без слов, как хотел того Фет, норовит,
Обнаружить младенческие и интимные жесты,
Не сгибается, гибкая, нет, презирает кульбит
Переносов, цезур, главным образом, строки ей тесны.

Ее искренность терпит какой-то неясный урон.
Или чувства застенчивые вдруг становятся резки?

Вот и сносит тихонько стопу, разрушает заслон
И ручонку протискивает в стиховые отрезки,

Хочет, глупая, слиться с приватным акцентным стихом.
Как детей обучала французскому строгая Долли,
Непосредственностью поступаясь – ужель волшебством
Пренебречь? – ради все-таки лживой рифмованной
боли?

«Я белая ворона, вот я кто, и знала...»

Я белая ворона, вот я кто, и знала
Об этом, кажется, с пеленок, сколько себя помню;
Как думаешь, легко ли мне было, мало?
О, не жалуясь, это условие службы в каменоломне,

Куда я взята была в науку к исполину.
«Неприспособленная, витает в облаках», – так говорила
Моя первая учительница по имени Антонина,
По прозвищу «Жаба»: сквозь зубы злобно слова цедила.

На арифметике, не слыша, воображала мохнатого Вяя,
И «Как закалялась сталь» не читала ни при какой
погоде...

Мои детские страхи! О, не выделяться, быть, как другие,
—

Тайное желание и тайное горе: не выходит!

Я – белая ворона, я – белая ворона, отзовитесь, где вы,
Например, беркуты? Как долго мы не знали секретного
шифра!

Эта общность большая, чем разность между правыми и
левыми,

Консерваторами и либералами, часть кода, заветная

цифра,

Счастливая мета! По ней узнаём и каменщика, и камня
породу.

Друг мой, ты не ждал от меня ни маринада, ни варенья —

Чего нет – того не было сроду —

И не дашь в обиду мое белое оперенье!

«Почему цифры запоминаются легко по сравнению со словами?..»

Почему цифры запоминаются легко по сравнению со словами?

Слово – Психея, летает, дышит, меняется, оставляет след,
То призраком проскользнет, то вихрем взмоет, цунами,
Вот оно, вот оно! То вдруг его нет.

Цифра требует к своей плоской персоне особого внимания,

Ее вытаскивает из чаши событий хоботок

Цепкого, заинтересованного, спортивно воспитанного сознания,

Только так от нее может быть прок.

И когда я силюсь вспомнить смысл сообщения или доклада,

Вижу голубые глаза докладчика и «горячую лобную кость»,

Знаю, мысль не положишь в карман и не вынешь, ей надо
Захотеть посетить тебя, сказано: мысль как гость.

Вижу, вижу, как ты стоишь у окна вагона – на юг дорога,
Держась за поручни, не успевая переводить взгляд,
Белая рубашка, ее треплет ночной ветер из Таганрога,

Что-то сказал, что – не помню, ты весел, нет, рад.

Жизнь – ты сон, когда не знаешь, что спишь, сновидение,
Цветные картинки яркие, но слегка запотел объектив,
Всё перепуталось, связано, сцеплено, как в
стихотворении,
Не всегда даже знаю, кто умер, кто жив.

«Что же так чужая смерть нас пугает...»

Что же так чужая смерть нас пугает,
Посторонняя? Ведь все умрем, последнего позора
Не избежать и здоровенному покуда бугаю,
Всех обнимет, спрячет, никто не останется без призора.

Я звоню в парикмахерскую, чтобы
Узнать, в какую смену работает Попова Галя:
Во вторник утром, а в среду вечером? Попробуй
Тогда успеть! А если наоборот, то тоже едва ли.

Набираю номер – бодрый голос вещает об урожае.
Ура, дозвонилась! Мне говорят: нет ее. Молчанье.
А когда... И ненужный вопрос опережая:
Умерла она, первого похоронили... Да, внезапно,
случайно.

Этого не может быть, потому что так не бывает!
Жизнь в борьбе со всеми страхами, с самой смертью,
казалось,
На нее, как на самую надежную сваю,
На гробоватое ее лихое спокойствие опиралась.

Ничему не удивилась, всё приняла Галя Попова.

Без нее не обойтись, и нет другого выхода, как создать,
Экстренно сделать снова
Такую же. Такую же? А сын Костя? А парализованная
мать?

А морозные узоры на стеклах и радиопередачи?
Будут, будут завтра, как сегодня.
К чужой смерти мы как-то не готовы. Иначе
Со своей – всегда с нами, почти родня, у, сводня!

«А что до любовниц – чужими словами воспользовавшись, ты сказал...»

А что до любовниц – чужими словами воспользовавшись,
ты сказал,

Запнувшись на миг, – я успела подумать, что кто-то

И горько таился, и втайне, наверное, горевал, —

Как много вмещает возможностей крошечный
интервал...

Скорее всего, ухмылялся молодцевато без тени заботы.

Затем я подумала, что... есть такие названия, имена,

Которые в поисках вечных находятся и не находят
предмета.

«Любовница» – кто это? Предательница-жена

Плохая, неверная? Но и другое возможно: одна

Из многих, не слишком ценимых, а так – мимоходом
пригрета.

И та, и другая, и есть еще третья, но тоже плачевная роль.

Все, все унизительны... Женщиной быть разве можно?

Поэт восхищался: быть женщиной – это геройство и шаг!

О, конечно, но соль

Восторженного восклицания в чем-то другом, где-то

рядом, как соль

И соль-дизель, взятый невольно, задетый неосторожно.

«Люди делятся не на тех, кто знает и не знает...»

Люди делятся не на тех, кто знает и не знает
Живопись, литературу, может что-то здоровое
Сказать о Достоевском, видел «Даная»,
А на тех, кто выискивал лекарственные травы,

Потом бегал за врачом, получал снимок,
Прятал заключение рентгенолога, достал, бывалый,
Солкосериловую мазь, камфарным пропах спиртом,
помимо
Всего прочего добыл «эссенциале форте», а затем –
покрывало,

Подушечку и тапки должен был покупать на
Кропоткинской в магазине
Похоронных принадлежностей: «Вам – белые или
Посимпатичнее советую, в цветочек, вот, сверху в
корзине,
Нужно же какое-то разнообразие», кого томили

В молчаливой очереди на «опознание тела»
Перед доской-прейскурантом в тусклом полуподвале:
«Кремация трупа взрослого – 20 р. 60 к., словно
пластинку заело —

Трупа детского – 10 р. 30 к.», про себя еще повторяя:
«эссенциале, эссенциале»;

На тех, что, прижавшись к пористым стенам
крематорского Малого зала,

Толпились вокруг противоестественного предмета,

Ни на что не похожего, я бы сказала... —

И тех, кому еще предстоит всё это.

«И нет провинции, изобилие, ровно разлитое везде...»

И нет провинции, изобилие, ровно разлитое везде.
Уютные коттеджи – как театральные декорации,
Осенняя листва, отраженная в чистой воде,
Подростки – как манекены, трикотажные грации.

Погружаясь в чужой частный мир, погоды, постой
Восхищаться приветливым «бай» и «хай» приветливым
столь же,
Ни у кого здесь нет повода заметить, как заметил
Толстой,
Что прощание радостнее встречи, но всё больше

Хочется вон, к своему корыту, домой.
Ах, как не завидую местным счастливым!
Наш поэт, ныне бог литературной удачи, бывший изгой,
Я издали полюбуюсь тобой и твоей девицей!

Как славно деловитой американкой не быть,
С кошачьими ухватками вычислительной машиной,
Бесполезно марать бумагу, рвать в задумчивости нить,
Презирать престиж с его мелкой возней мышиною.

В самолете услышу родную речь, привычный накал,

Как ни одень советского человека, дело ведь не в материи,

С четверенек, бедняга, не может, еще не встал.

Здравствуй, здравствуй, скотина Иван Петрович,
прощай, Джерри!

«Есть неписаная субординация...»

Есть неписаная субординация:

Адъютант главнокомандующего, например, выше генерала.

Эта знакомая ситуация

Везде одинакова – что в ЦК, что в «Ла Скала».

И точно так же есть скрытые, негласные законы:

Не становись в позу просителя,

Не нажимай и не держи оборону,

Храни спокойствие с достоинством вразумительным.

И молчи, молчи, подробности губительны!

Твоя жизнь, что случайно выскальзывает из деталей,

Настораживает, она подозрительна!

На этой оплошности многие впросак попадали.

Держи паузу, говорю, как режиссер актрисе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.